

Забрав мясо, Фан Цзычэнь уже собирался уходить, когда заприметил старика, торговавшего танхулу — засахаренными плодами на длинных шпажках.

«Пожалуй, за всё это время я так ни разу ничего и не купил своему названому сынишке, — вдруг подумал он».

А Гуай-цзай, если признаться, был славным малым: каждый день помогал папе по хозяйству, а завидев Цзычэня, неизменно заливался радостным: «Отец! Отец!».

На соломенном остова оставалось всего четыре палочки. Поразмыслив, юноша окликнул торговца:

— Дедушка, дай-ка мне три штуки.

Старик окинул его взглядом: одежда на парне была старая, из грубой ткани, но лицо и повадки выдавали в нём человека благородного происхождения. Торговец добродушно усмехнулся:

— Слушай, сынок, у меня тут всего ничего осталось. Забрал бы ты всё? Старику ведь нелегко целый день по улицам бродить, пожалей мои старые кости.

— Если я вас пожалею, кто пожалеет меня? — Фан в шутку похлопал по кошельку. — Слышите, как звенит? Там всего-то десяток-другой медяков, и те — мои кровные, что я целый день на собственном горбу зарабатывал. Рад бы помочь, да нечем!

Ткань на его плечах и впрямь была заляпана грязью. Старик посмотрел на него: парень высокий, но худющий — и не подумаешь, что такой в грузчики пойдёт. Видать, и впрямь жизнь прижала.

— Эх, нелегко нынче всем нам хлеб даётся, — вздохнул торговец, перестав приbedняться. — Ладно, парень, забирай последнюю даром. Считаю, угостил.

Цзычэнь довольно осклабился:

— Вот это дело! Премного благодарен.

Молодой человек никак не мог привыкнуть к дешёвому необработанному рису, поэтому, едва завелись деньги, сразу купил белого риса и муки. Эти продукты стоили дорого, и Чжао-гэр не

пробовал их с тех самых пор, как ему исполнилось семь лет. Понимая, что муж вкалывает на пристани до седьмого пота и прихотлив в еде, супруг из кожи вон лез, стараясь из скудных припасов приготовить что-нибудь повкуснее.

Сегодня Чжоу-гэр заглянул к ним — принёс чистую одежду и пучок квашеной капусты. Так что на ужин папа затеял баоцзы с капустной начинкой. Едва над котлом поплыл аромат готового теста, Гуай-цзай и Лю-лю тут же бросили игры и застыли у порога, не сводя глаз с кухни.

— Папа... — пролепетал Гуай-цзай, сглатывая слюну.

Чжао-гэр заглянул под крышку:

— Ещё не готовы, нужно немного подождать. Бегите пока во двор, поиграйте ещё чуток, ладно?

Мальчишки были на редкость послушными — не капризничали и не выпрашивали еду. Глянув на котёл в последний раз, они дружно кивнули и умчались на улицу. Но не прошло и десяти минут, как снаружи донёсся восторженный крик:

— Отец вернулся!

Чжао-гэр поспешил к дверям. На пороге появился Фан Цзычэнь с покупками в руках, зажав под мышками обоих сорванцов.

На губах папы невольной заиграла улыбка:

— Вернулся.

— Угу. Купил мяса, держи, — Цзычэнь протянул сверток.

Забрав мясо на кухню, Чжао-гэр обнаружил там два приличных куска. Подумав, он решил один приготовить сейчас, а второй оставить на завтрашний вечер. Мясо со свиной головы с кожей было не слишком жирным, но приправ в доме почти не водилось. Когда баоцзы дошли до готовности, он вымыл свинину, нарезал её мелкими ломтиками и обжарил с остатками квашеной капусты и диким луком, который днём накопал в горах. Он надеялся, что выйдет вкусно.

Пока он хлопотал у плиты, в помещение зашёл Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр почувствовал, как что-то коснулось его губ. Он машинально облизнулся и удивился — сладко! Глава семьи держал в руке танхулу:

— Сладко?

— Да, — выдохнул Чжао-гэр.

— На, ешь, — Фан перехватил у него лопатку. — Теперь я помешаю.

— Я не хочу, ты сам ешь! — супруг попытался вернуть сладость.

Это угощение стоило баснословных денег — целых два вэня за палочку! Цзычэнь не стал слушать возражений и просто ткнул палочкой ему в губы:

— Вот, на ней теперь твоя слюна. Либо ешь, либо выбрасывай — всё равно уже никто не притронется.

Гуай-цзай и Лю-лю сидели во дворе, осторожно облизывая свои порции. Ни один не решался откусить — берегли. Они пробовали такое впервые в жизни. Оказалось, Ма Сяован не врал: танхулу и впрямь была кисло-сладкой и невероятно вкусной.

Когда Цзычэнь раздавал лакомство, Лю-лю поначалу застенялся и не хотел брать, но когда мужчина буквально впихнул ему шпажку в руки, всё же принял дар. Зато Гуай-цзай оказался куда шустрее: звонко поблагодарил, а потом заставил отца присесть, чтобы крепко чмокнуть его в щеку.

Чжао-гэр вышел во двор и присел рядом с детьми. Малыш, заметив в его руках сладость, просиял и зашептал папе на ухо, точно великую тайну:

— Папа, отец такой добрый! Купил танхулу и Гуай-цзаю, и папе.

— А тебе нравится твой отец? — негромко спросил Чжао-гэр.

— Нравится! — тут же отозвался ребёнок. — Больше всех люблю отца!

Чжао-гэр не стал спорить о том, кто в этой семье любимец. Он откусил кусочек засахаренного плода.

«На душе стало так же сладко и в то же время щемяще-кисло».

Раньше, когда Ма Дачжуан работал в городе, он часто приносил танхулу своему сыну. Чжао-гэр не раз наблюдал за этим издали, а Ма-старуха всегда следила за ним колючим взглядом — боялась, видать, что он набросится и отнимет сладость. Как-то раз, заметив, как он сглатывает слюну, она обрушилась на него с руганью:

— Захотел, значит? Посмотри на себя сначала — тебе ли такие яства есть? Жизнь твоя гроша ломаного не стоит, проваливай в дровяник!

Вернувшись в холодный сарай, он всё равно подсматривал в щель в двери. В те годы он был совсем мал и не знал, что такое гордость или достоинство; он просто не мог отвести глаз, потому что всегда был невыносимо голоден. Глядя, как маленький дурачок уплетает угощение, он невольно представлял этот вкус. Танхулу стала для него несбыточной мечтой, затаённым желанием на долгие годы.

И вот теперь нашелся человек, который купил её специально для него. От этой мысли сердце наполнялось тихой радостью.

— Чжао-гэр, иди скорее сюда! Глянь, готово мясо или нет? У меня уже рука махать устала! — позвал Цзычэнь из кухни.

Сам он готовить не умел, поэтому, взяв лопатку, принялся неистово мешать всё подряд, боясь, как бы мясо не подгорело. Чжао-гэр, опытный в кухонных делах, даже не глядя в сковороду, прикинул время и ответил:

— Готово, снимай.

Когда за Лю-лю пришёл его папа, Чжоу-гэр, вся компания как раз ужинала. Мясо со свиной головы, особенно хрящики ушей, забавно похрустывало на зубах. Лю-лю и Гуай-цзай, сжимая в крохотных кулачках пухлые баоцзы, ели с огромным аппетитом.

— Мясо... вкусно! — пробормотал Гуай-цзай с набитым ртом.

Фан Цзычэнь посмотрел на него: баоцзы в руках сына был чуть ли не больше его лица, и когда тот откусывал, казалось, что он прячется за булкой.

— Ну и что вкуснее: баоцзы или маньтоу? — со смехом спросил он.

Гуай-цзай на мгновение задумался. Маньтоу он тоже любил, но...

— Баоцзы вкуснее. На чуть-чуть! — вынес он вердикт.

Цзычэнь улыбнулся и легонько подтолкнул Лю-лю:

— А ты как думаешь?

Мальчик лишь покачал головой:

— Я никогда не ел маньтоу.

Цзычэнь удивлённо взглянул на супруга, и Чжао-гэр негромко пояснил:

— Тётушка Лю живёт очень бедно.

Он вкратце обрисовал ситуацию в их семье. Дядя Лю — человек бесхитростный, никаких ремесел не знает, только землю пахать и умеет. Да вот беда: переселенцам наделы выделяли крохотные, всего четыре му тощей земли. Единственного их сына три года назад забрали в армию, потому что семье нечем было заплатить налог. В эти времена бедность не всегда была спутницей лени. Дядя Лю уже стар, в городе на работу его никто не берёт, вот и тянут всё на себе тётушка Лю да Чжоу-гэр. Иногда овощи на рынке продадут, иногда чужую стирку возьмут — так за месяц пятьдесят-шестьдесят вэней и набегает.

Но что такое шестьдесят вэней? Крестьянину одной землёй сытым не быть: масло, соль, ткань — на всё нужны деньги, а это в поле не вырастишь.

Цзычэню стало жаль мальчишку. Он легонько ущипнул его за щеку — просто за то, что тот так вежливо звал его «дядей», — и пообещал:

— Ничего, малыш. Завтра приходи к нам, я тебе принесу маньтоу.

Лю-лю застенчиво улыбнулся:

— Спасибо, дядя.

А потом он обернулся к Чжао-гэру:

— Дядя Чжао, завтра я пойду в лес за хворостом вместе с вами и Гуай-цзаем. Я это дело хорошо умею!

— А как же твой папа? Разве ты не пойдёшь с ним на огород? — с улыбкой спросил Чжао-гэр.

Лю-лю серьезно мотнул головой:

— Я же танхулу съел. Теперь я должен долг благодарности вернуть!

Фан чуть не поперхнулся от смеха:

— Ишь ты, и про долг благодарности знаешь?

— Знаю! — важно подтвердил Лю-лю. — Я слышал, как дедушки и дяди об этом толковали.

— И что же они говорили?

В деревне развлечений немного, поэтому по вечерам мужики любят посидеть под старым баньяном, перебивая косточки соседям или рассказывая всякие небылицы. Лю-лю замялся — он слышал лишь обрывки, но тут на выручку другу пришёл Гуай-цзай:

— Это когда лисица-оборотень спасает учёного, чтобы долг вернуть! Учёный по дороге на экзамены спас лисичку, а она превратилась в писаную красавицу, вышла за него замуж, спит с ним в одной постели, а ещё — стирает ему и готовит еду!

«Какая избитая история», — подумал Фан Цзычэнь.

<http://bllate.org/book/15357/1420227>